

БЛАГОДАТНЫЕ ЗАВѢТЫ ПРЕП. СЕРГІЯ РУССКОМУ БОГОСЛОВСТВОВАНІЮ. *)

I.

Жизнь Церкви движима дыханіемъ Духа Святаго, пребывающаго въ ней, и вѣдѣніемъ этой жизни обладаютъ въ наивысшей степени тѣ, которые очищаютъ чувства подвигомъ и становятся исполнены Духа Св. Святость есть осозаніе истиннаго богомудрїя и богомыслія. Въ жизни святыхъ обрѣтаются кладези боговѣдѣнія, отсюда должно черпать свои вдохновенія и умствующее богословіе, которое стремится постигать разумомъ богооткровенныя истины и школьному изученію подвергаетъ ихъ многообразные лики. Постольку богословіе, какъ дѣло школы, есть по природѣ своей схоластика, но подлинная, добрая схоластика знаетъ надъ собой и выше себя не школьное, духовное боговѣдѣніе святости. И наше русское православное богословствованіе, какъ и трудъ нашей школы, совершаются водительствомъ нашихъ угодниковъ-боговидцевъ, и въ числѣ ихъ ближе всего стоитъ намъ великій Игуменъ русской земли, Радонежскій и вся Россіи, а нынѣ и Парижскій и иныхъ странъ преп. Сергій. Уже признано высокими умами отечественными, что преп. Сергій былъ и остается воспитателемъ русскаго народа, его пѣстуномъ и духовнымъ вождемъ. Но намъ надо познать его и какъ благодатнаго руководителя русскаго богословствованія. Свое боговѣдѣніе заключилъ онъ не въ книги, но въ событія жизни своей. Не словами, но дѣлами и этими событіями молчаливо учитъ онъ насъ боговѣдѣнію. Ибо молчаніе есть рѣчь будущаго вѣка, а нынѣ оно есть слово тѣхъ, кто еще въ этомъ вѣкѣ вступилъ въ будущій. Молчаливое слово, сокровенное, предстоитъ одѣвать въ слова, переводить на нашъ языкъ человѣческой намъ, схоластамъ и умникамъ этого вѣка, питать свое богословствованіе отъ источника боговѣдѣнія. Чудесно молитвой преп. Сергія изведенъ былъ изъ земли источникъ свѣжихъ и чистыхъ водъ, и отъ земли сердца и ума нашего и нынѣ да изводитъ онъ рѣчки богословія. На небѣ умномъ начерталъ свои знаки преп. Сергій, и надъ наши-

*) Рѣчь на годичномъ актѣ Парижскаго Богословскаго Института 7 іюня 1926 года.

ми головами горить и сіяеть его созвѣздіе. И данью благодатнаго, благочестиваго почитанія является нынѣ возрѣть на это созвѣздіе.

Что знаемъ мы о природныхъ дарованіяхъ и образованіи преп. Сергія? Житіе содержитъ объ этомъ лишь скудныя данныя, соотвѣтственныя всей общей скудости тогдашняго русскаго просвѣщенія. Это была самая мрачная пора татарскаго ига, начинающаяся русская культура была растоптана ордынскимъ нашествіемъ, тьма одичанія, умственнаго и духовнаго, налегла на нашу родину, и вся наша, хотя и зачаточная, образованность испытала параличъ. И этотъ мракъ становится все гуще и тягостнѣй, если мы вспомнимъ, что западный міръ переживалъ еще небывалый подъемъ и напоръ творческихъ силъ. Завершился столь блистательный и плодотворный для западнаго богословія вѣкъ схоластики. Католичество уже имѣло своего Бонавентуру, и Дунсъ Скотта и Тому Аквинскаго, вмѣстѣ съ многими иными, явленіе Виклефа и Гуса уже предвозвѣщало катастрофы реформаци, начавшееся возрождение — *trecento* и *quatracento* — сулило грядущій гуманизмъ. Полнота духовныхъ силъ Запада и заложенныхъ въ ней возможностей уже обозначилась вмѣстѣ съ трагическимъ ихъ противоборствомъ. И въ это самое время русская земля была скована безвременнымъ морозомъ, и вмѣсто парижскихъ и иныхъ университетовъ обучалась грамотѣ по псалтири у мѣстнаго дьячка. Но въ это же время на небѣ духовномъ всходила звѣзда преп. Сергія, лишній разъ свидѣтельствуя людямъ, сколь непостижимы пути Божіи и суды Его. Ибо все богатство духовное земли западной не дало ей въ это время *одного* такого сокровища, какое было послано Богомъ землѣ русской въ преп. Сергіѣ

Но и юный Вареоломей, боярскій сынъ изъ-подъ Ростова, все свое школьное просвѣщеніе получилъ въ подобной дьячковской школѣ, причемъ, по свидѣтельству житія, сначала былъ мало способенъ и къ этому ученію и лишь послѣ чудеснаго явленія ему ангела въ образѣ инока онъ получилъ силу разума. О природномъ умѣ преподобнаго мы можемъ догадываться лишь на основаніи общаго впечатлѣнія отъ всей его жизни и многосторонней дѣятельности. По всему этому надо заключить, что преп. Сергіѣ принадлежалъ къ числу наиболѣе выдающихся русскихъ умовъ: на всѣхъ его дѣйствіяхъ лежитъ печать какой-то вѣрности и пронизательности, высшей мудрости, не только духовной, но и гражданской и общественной. Заслуживаетъ особеннаго вниманія еще та черта его житія, что въ руководствѣ монастыремъ преподобный прилагалъ особенную заботу къ пріобрѣтенію и изготовленію четіихъ книгъ или къ составленію бібліотеки изъ таковыхъ книгъ, которыя предназначались и для келейнаго чтенія монаховъ.*) Извѣстно, что преп. Сергіѣ осо-

*) Въ бібліотекѣ Троицкой Лавры сохранились нѣкоторыя рукописныя книги отъ времени преп. Сергія: Пятикнижіе Моисея, собранія нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта, Паремійникъ, Евангеліе, поученія Св. Ефрема Сирина, 16 главъ Св. Григорія Богослова, «Слова постническія» преп. Исаака Сирина, писанныя при преп. Сергіѣ въ 1381 г. и др.

бенно дорожилъ нѣкимъ инокомъ Аѳанасіемъ, который былъ «въ добродѣтеляхъ мужъ чуденъ и въ божественныхъ писаніяхъ зѣло разуменъ и добросписанія многа руки его свидѣтельствуютъ» Преп. Сергій хранилъ и выращивалъ ростки духовнаго просвѣщенія. Всѣ эти факты означаютъ собой нѣкое знаменіе, благословеніе преподобнаго и книжной мудрости, того, что мы назвали схоластическимъ просвѣщеніемъ въ соединеніи съ подвигомъ духовнымъ, — они не дѣлаютъ еще изъ обители преп. Сергія такого научнаго схоластическаго центра, хотя и общаютъ его въ будущемъ. Здѣсь можно установить лишь тотъ фактъ, что, хотя вся жизнь преп. Сергія протекла внѣ догматическихъ споровъ и вопросовъ, но онъ является для своего времени печальникомъ и насадителемъ прервавшагося тогда богословскаго просвѣщенія и какъ будто изъ глубины временъ благословляетъ и наши нынѣшнія къ тому же слабыя усилія, совершаемая подъ покровомъ его имени.

Однако не эти, сравнительно все же второстепенные факты должны привлечь нынѣ наше вниманіе, не просвѣщеніе, но само богомысліе и боговѣдніе преп. Сергія, которое повѣдалъ онъ своей жизнью, образомъ своего благочестія и богопочитанія.

И здѣсь передъ нашими духовными очами предстоить огромный, можно сказать, потрясающей важности фактъ. Юный 23-х-лѣтній новоначальный инокъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Стефаномъ удалившійся въ пустыню, на мѣстѣ своей будущей обители ранѣ всего соорудилъ деревянную церковку и ее безъ всякаго колебанія, отвѣтствуя на сокровенное желаніе сердца и внемля своему боговѣднію, посвящаетъ *Пресвятому Имени Живоначальной Троицы*, и это былъ будущій Троицкій соборъ будущей Троице-Сергіевской Лавры. Господь до рожденія преп. Сергія явилъ его какъ избраннаго служителя, читателя и ученика пресв. Троицы. Еще будучи во чревѣ матери прокричалъ младенецъ трижды во время божественной литургіи, тѣмъ самымъ являя и предугадуя дивное свое вѣдніе и почитаніе божественнаго тричислія. Такъ восприняли это знаменіе современники и жизнеописатели преп. Сергія (въ частности Епифаній). Посвященіе храма во имя св. Троицы не можетъ почитаться обычнымъ и принятымъ на Руси до преп. Сергія. Оно само по себѣ было, скорѣе, новшествомъ и нѣкимъ дерзновеніемъ, столь удивительнымъ въ юномъ смиренномудромъ Сергіи. И однако — особенно настойчиво уеѣряетъ насъ житіе, — безъ всякаго колебанія, съ полной рѣшимостью, повинуюсь несумнѣнному внутреннему голосу нарекъ преп. Сергій Пресвятое Имя своему храму и обители.***) Какъ можно смотрѣть на это внѣшнимъ взглядомъ? Деревенскій поселянинъ, полумужикъ, юный, непросвѣщенный, избираетъ для себя — правда самый возвышенный

*) «Ты высказалъ — отвѣтствовалъ на предложеніе своего брата преп. Сергій, говоритъ житіе Епифанія — то самое, что давно было у меня на душѣ, чего я всѣмъ сердцемъ желалъ, но не дерзалъ высказать. Любезно мнѣ слово твое: пусть эта церковь будетъ освящена во Имя Пресв. Троицы. Ради послушанія я вопрошалъ тебя; не хотѣлось мнѣ имѣть въ семъ волю свою, и вотъ Господь не лишилъ меня желанія сердца моего».

и важный догматъ христіанской вѣры, но и самый таинственный и трудный какъ для точнаго выраженія, такъ и для спекулятивнаго постиженія, — получается какая-то вопіющая несообразность. Но преп. Сергій имѣлъ *опытное вѣдѣніе* о пресв. Троицѣ, онъ зналъ, что дѣлалъ. Ибо, помимо схоластически-спекулятивнаго постиженія догмата о триничности, есть прямое вѣдѣніе о Ней, обѣтованное и засвидѣтельствованное Спасителемъ: «аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдаетъ, и Отець Мой возлюбитъ его, и къ нему приидема и обитель у него сотворима» (Іо. 14:23), и на этотъ путь вѣдѣнія вступилъ преподобный съ самаго начала жизни своей, такъ что въ 23 лѣтънемъ юношѣ уже открылся читатель пресв. Троицы.

Въ посвященіи храма выражается особое духовное избраніе, отвѣтъ на нѣкоторый зовъ, звучащій въ душѣ человѣка. И, вслушиваясь въ эти зовы, чрезъ совершающіяся на русской землѣ посвященія храмовъ, мы проникаемъ въ тайники богочинаганія и боготкровенія. Единъ Духъ, дзижушій Церковь, но лары и служенія различны (1 Кор. 12,4). И хотя погматъ пресв. Троицы есть основоположный въ христіанской вѣрѣ и для всѣхъ христіанъ вѣдомый и обязательный, но есть вѣдѣ и другіе догматы и догматическія событія, именемъ которыхъ освящаются храмы. Полнста Церкви объѣмлетъ всѣ церковныя погматы, и однако въ разныя времена и у разныхъ лицъ выступаютъ въ сознаніи, воспріемлются съ наибольшей остротой тѣ или другія стороны христіанскаго догмата. И особый, нарочитый даръ преп. Сергія влекъ его къ гайнѣ пресв. Троицы и содѣлалъ изъ него Бя избраннаго служителя и читателя. Что узрѣлъ и о чемъ повѣдалъ своимъ молчаніемъ о семъ преп. Сергій? Не дерзновененъ-ли вопросъ сей? «Любити убо намъяко безбѣдное страхомъ удобѣе молчаніе», но любовь къ преподобному и желаніе научиться отъ него не повелѣваетъ-ли побороть страхъ и впередъ взоръ свой въ духовный ликъ преподобнаго? Онъ самъ, Сергій смиренномудрый, въ семъ да поможетъ паствѣ своей.

Здѣсь намъ не обойтись безъ вспомогательной постройки лѣсовъ спекуляціи. *) Богъ, во св. Троицѣ сущій, есть Любовь, и эта Любовь есть самая жизнь Божественнаго тріединства, само тріединство, какъ предвѣчный актъ любви-взаимности, въ которой Три суть Одинъ и Одинъ суть Три, единый тріпостасный, абсолютный, божественный Субъектъ, Сущій-Иегова, божественное Я. Человѣкъ созданъ по образу Божію и посему въ себѣ онъ таитъ возможность боговѣдѣнія. Всякій человѣческой субъектъ есть я, впостась, единое подлежащее безконечныхъ своихъ сказуемыхъ или самополаганій. Я непосредственно дано субъекту, какъ основное его самополаганіе, оно неопредѣлимо, хотя и лежитъ въ основѣ всѣхъ опредѣлений или всяческой сказуемости. Оно смотрится само въ себя, самополагается: я есть я, есть я или короче: я,я, я,..., дробящіеся зеркальные лики единаго лица, которое грам-

*) Здѣсь въ краткихъ и бѣглыхъ чертахъ намѣчаются построенія, нарочито излагаемыя въ работѣ: «Главы о Триничности» (гот. къ печ.)

матика называется поэтому *первое* лицо. Въ этомъ своемъ самосознаніи, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть и самополаганіе (по выраженію Фихте, *absolute Thathandlung*) я абсолютно и вѣчно. Оно смотритъ изъ вѣчности во время, оно изъ нѣкоторой внѣпространственности созерцаетъ движеніе, въ немъ нѣтъ сознанія, что оно возникло во времени, оно вѣчно и пребываетъ, оно есть сущій, оно есть абсолютный субъектъ, Я. Таково самосознаніе я, намъ непосредственно вѣдомое, таково это *чудо я*, котораго мы не примѣчаемъ., лишь потому, что его умное солнце всегда горитъ на горизонтѣ нашей жизни, и въ свѣтѣ его мы ее созерцаемъ, и намъ также невозможно помыслить его угасшимъ какъ и когда либо не сіявшимъ. Это око вѣчности въ душѣ нашей есть образъ Божій въ насъ, образъ Сущаго, Впостаснаго Бога, Божественнаго Я. Тѣмъ же образомъ Я говоритъ о Себѣ Богъ, какъ говоритъ о себѣ и человѣкъ, и это не антропоморфизмъ, но богоподобіе человѣка.

И однако тварное, человѣческое я, въ формальномъ самосознаніи абсолютное, оказывается при ближайшемъ всматриваніи неабсолютнымъ и не самодовлѣющимъ, но нуждающимся для своего самораскрытія въ нѣкоторыхъ другихъ данностяхъ, абсолютно-относительнымъ, содержитъ въ себѣ противорѣчіе. Я смотрится не только въ само себя, въ я же, но и въ *не-я*, въ то, что своей непрозрачностью отражаетъ его лучи на себя, впрочемъ на этой сторонѣ я намъ нѣтъ нужды останавливаться. Но есть и другая сторона самоопредѣленія я, гдѣ оно оказывается также неабсолютно и нуждается для полноты своего бытія въ нѣкоторомъ онтологическомъ позаимствованіи. Мѣстоименіе перваго лица, какъ *перваго*, предполагаетъ уже и мѣстоименіе втораго, а далѣе и третьяго лица. Я въ своей янности смотрится не только въ я, въ себя самого, но и въ другое я, ему подобное, т. е. въ *ты*. Безъ *ты* и я не есть я или есть не вполне я, *ты* есть также зеркало я, безъ котораго оно не можетъ вполне себя увидать. *Ты* есть другое, подобное я, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть для меня *не-я*, ибо находится внѣ меня, есть для меня данность, но въ то же время оно дано для меня, какъ условіе моего самосознанія, оно въ этомъ смыслѣ во мнѣ. Одновременно *ты* есть и мое собственное я, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ *со-я* для меня, и есть внѣшняя для меня данность, граница я, подвергающая сомнѣнію его абсолютность. Узрѣвъ *ты*, я уже не можетъ остаться въ самозамкнутости своей, въ своемъ метафизическомъ эгоизмѣ, оно уже нуждается въ *ты*, чтобы быть я, для полноты своего самосуществованія, для реальности своей. Оно уже не можетъ и не хочетъ забыть *ты*, и одновременно съ громко произносимымъ я беззвучно шепчетъ и *ты*. Я оказалось двулико: *я-ты* или я въ *ты*, или *ты* въ я. Я размножилось чрезъ самоудвоеніе. Однако этимъ саморазмноженіе я не исчерпывается. Какъ абсолютное самополаганіе, какъ актъ, я въ самомъ этомъ актѣ имѣетъ свидѣтельство своей реальности, гарантію ея полноты. Однако для реальности ея реализаціи скоро не хватаетъ и *ты*. *Ты* неразрывно сопряжено съ я, какъ образъ предмета, отражающійся въ водѣ или въ зеркалѣ, съ самымъ предметомъ. Однако эта нерасторжимость взаимной реф-

лекси́и такова, что подвергаетъ новому сомнѣнiю гарантiи реальности или подлинности какъ *я*, такъ и *ты*. Что если это *ты* есть только иначе обернувшееся *я*, надѣвшее шапку-невидимку *не-я*! Вѣдь въ такомъ случаѣ это самоповторенiе или самоотраженiе ничего не обезпечиваетъ, вѣдь если *я* усумнилось въ полнотѣ и абсолютности своей и вышло за поисками ея изъ себя, въ *не-я*, въ *ты*, то оно должно по крайней мѣрѣ получить твердое и неизмѣнное подтвержденiе реальности своей не черезъ отраженiе только, но и черезъ признанiе и подтвержденiе самого себя въ другомъ *я*, въ *ты*. Для этого должна произойти реальная встрѣча, а она еще не произошла или, вѣрнѣе, не вполне произошла, не вполне удостоверена. Я вижу какой-то образъ въ зеркальномъ отраженiи: *я* кланяюсь ему, онъ кланяется мнѣ, *я* дѣлаю жестъ рукою, онъ отзѣвается, *я* дѣлаю другое движенiе, онъ его повторяетъ. Тогда страхъ закрадывается въ сердце, — не есть-ли это миражъ, двойникъ, Doppelgänger, грева? Но въ такомъ случаѣ не греза-ли и само это мое *я*, реальность котораго *я* стремлюсь удостовѣрить выходомъ изъ себя, и совершился ли этотъ выходъ? Здѣсь настаетъ чередъ третьяго, еще не использованнаго мѣстоименiя, именно *третьяго* лица: *онъ*. Какъ личное мѣстоименiе, и *онъ* есть лицо, которое имѣетъ, согласно показанному, оба лика: *я* и *ты*, есть и *я*, и *ты*, но въ тѣни самосознанiя, внѣ прямой обращенности и однако въ необходимомъ и существенномъ соприсутствiи, какъ исполненiе и утвержденiе и *я*, и *ты*. *Онъ* это уже не зеркальное отраженiе, п. ч. *онъ* не находится въ фокусѣ зрѣнiя, и однако его присутствiе рядомъ съ *я* укрѣпляетъ, и утѣшаетъ, и исполняетъ ихъ силы бытiя. Отнынѣ *я* уже не усомнится въ себѣ вслѣдствiе сомнѣнiя въ *ты*, сомнѣнiе въ его призрачности, а вмѣстѣ и призрачности и самого *я* устранено тѣмъ, что есть *онъ*, сущiй, хотя и стоящiй въ тѣни, сама существенная реальность. *Онъ*, позванный отъ своей тѣни къ свѣту, окажется *ты*, а, слѣдовательно, и *я* или *со-я*, независящее въ своемъ бытiи отъ взаимоотраженiя *я* и *ты*, а тѣмъ самымъ и эти послѣднiя удостовѣрены. Такимъ обр. самораскрытiе *я* произошло лишь черезъ *ты* и *онъ*, оно имѣетъ три модуса, и это подтверждаетъ генiй языка, знающаго три личныхъ мѣстоименiя и свидѣтельствующаго тѣмъ о тріединствѣ *я*.

Однако и этимъ тріединствомъ *я*, *ты*, *онъ* не исчерпывается модусъ *я*. Генiй языка въ личномъ мѣстоименiи знаетъ не только лицо, но и число, единственное и множественное и даже еще двойственное. *Я* участвуетъ не только въ *я*, *ты*, *онъ*, но и въ *мы*, *я* есть *мы* — таково новое, дальнѣйшее его самооткровенiе. *Мы* это тоже есть непрестанное чудо въ *я*, которое также не поражаетъ насъ лишь вслѣдствiе отупляющей силы привычки. Какимъ образомъ *я*, которое сначала вышло изъ себя въ *ты* и *онъ*, теперь вошло въ *мы*? Развѣ *я* не чувствуетъ себя единственнымъ, абсолютнымъ, самоутверждающимся, себялюбивымъ центромъ бытiя, для котораго, въ которомъ, изъ котораго все опредѣляется и существуетъ? И вдругъ это его смиренное самопогруженiе въ *мы*, смерть *я* и его воскресенiе. *Мы* свидѣствуемъ, насколько далеко прошло самораскрытiе и самосознанiе *я* и насколько глубоко оно самоутвер-

дилось въ реальности своей, ибо , погружаясь въ *мы* , оно не утопаетъ и не ратсворяется, напротивъ *цзѣтеть* въ бытіи — *я* въ *со-я*, и безъ *мы*, не имѣя полноты этого любовнаго самосочетанія многихъ, само *я* лишено было силы бытія. Но реальность и подлинность *мы* уже содержитъ въ себѣ *еы* и *они*. То вздымаясь, то погружаясь въ волнахъ бытія, *я* то сливается съ *мы*, то, подымая голову на поверхности воды, видитъ *мы*, какъ *вы* и какъ *они*, перебирая всячески множественности, которыя какъ брилліанты каплями стекаютъ съ пальцевъ торжествующаго *я*. Во множественномъ числѣ *тріединое* *я* раскрывается какъ *тріединство* или *многоединство*, и лишь въ этомъ осуществляетъ себя самого.

Что же все это озкачаетъ? Это означаетъ, что природа *я соборна*, соборность или многоединство есть неотъемлемое свойство личнаго *я*, впостаси, внѣ которой она не можетъ раскрыться и просто существовать: говоря *я*, впостась говорить одновременно *ты*, и *мы*, и *они*. Таково самосвидѣтельство нашего духа о его собственной природѣ: онъ не одинъ, хотя и единъ, его единство дано только въ множественности тріединства, онъ единоличенъ въ многоличности, онъ каеволиченъ, соборенъ, и чистая моноипостасность есть абстракція, *nonsens*.

Но эта соборная природа впостаси, непреложно констатируемая изъ самораскрытія *я*, приводитъ къ безыходнымъ самопротиворѣчіямъ и новымъ апоріямъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны *я* есть актъ абсолютнаго самополаганія, въ которомъ оно не знаетъ никого и ничего надъ собой и внѣ себя, ни творца, ни творенія, есть свой собственный творецъ и твореніе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, для осуществленія этого самополаганія оно предполагаетъ данность внѣ себя, нуждается въ другихъ *со-я*, которыхъ оно въ себѣ имѣетъ и даже ихъ со-полагаетъ, но надъ которыми оно невластно, ибо не является ихъ творцомъ, но скорѣе ихъ твореніемъ. Оно само себѣ дано извнѣ, сотворено , есть въ этой области тварное , а не самополагающееся *я*. Оно самополагается, хотя и абсолютнымъ образомъ, но не является абсолютнымъ, завися отъ другихъ *я*. Въ такомъ положеніи тварное *я* само себя не объясняетъ, но отсылаетъ къ тому Абсолютному Субъекту, образомъ котораго оно является въ абсолютности своего задания, хотя и не своего бытія, оно его постулируетъ. Абсолютный субъектъ , какъ постулатъ тварнаго *я*, очевидно, превозмогаетъ его противорѣчія и апоріи. Въ немъ не можетъ быть никакой данности или внѣположенія, онъ есть одно чистое самополаганіе, все въ себѣ имѣющее. Богъ, во Святой Троицѣ сущій, есть Абсолютный Субъектъ, въ которомъ соборная, тріединая природа *я*, осуществляется абсолютнымъ образомъ. Богъ есть Лицо, Судій, Иегова, Впостасное *Я*. Но эта Божественная Впостась существуетъ въ трехъ впостасяхъ, есть впостасная тріипостасность, личное тріединство. Св. Троица есть предвѣчная соборность *Я*, которое раскрывается , какъ Ты и Онъ (*еще Ты*, и Ты), а также какъ Мы. Въ священномъ писаніи эти мѣстоименныя сращения употребляются въ отношеніи къ Богу, при томъ иногда въ знаменательномъ безразличіи чередованія *Я* и *Мы*, един-

ственного и множественного числа. Во св. Троицѣ содержится вся полнота само-раскрытія *я*, его соборности. Но въ отличіе отъ тварнаго *я*, которое нуждается и внѣ себя имѣеть *ты* и *мы*, Св. Троица въ себѣ и сама имѣеть и *Я* и *Ты*, и *Онъ*, и *Мы*, и *Вы*, какъ единый триипостасный субъектъ, абсолютно е божественное *Я*. Въ Божественной Троицѣ, несѣкомой и неслиянной, каждая ипостась есть взаимно другъ для друга и *Я* и *Ты*, и *Онъ*, посему Св. Троица есть нѣкое абсолютное *Мы* въ Своемъ *тріединствѣ* и *Я* въ своемъ *тріединствѣ*. Каждая Ипостась есть *Я*, но вмѣстѣ и *Ты* для другого, и *Онъ* для третьяго, и вездѣ единое прозрачное *Я*. Каждая ипостась не хочетъ оставаться въ себѣ, быть для себя ипостасью, она не только смотрится, но существенно изъ себя исходитъ въ другую ипостась, или , вѣрнѣе, въ другія двѣ ипостаси: въ *ты* и въ *онъ*, и *ты*, и въ нихъ обрѣтаетъ не только *ты* и *онъ*, но и *я*, другомъ свое *я*, — въ *не-я*, которое становится уже не только *со-я*, но и прямо *я*. Въ Святой Троицѣ совершается то, что невмѣстимо для тварнаго сознанія: не *изъ я*, незыблемо остающагося на своемъ мѣстѣ, исходитъ въ *ты* и *онъ*, но само *я* изъ себя исходитъ, какъ бы въ жертвенности гасить свой свѣтильникъ для того, чтобы онъ восгорѣлся въ другомъ или другихъ (двухъ). Божественная Ипостась осуществляется предвѣчнымъ актомъ ипостаснаго самоугашенія для возгоранія въ другомъ, для другого, черезъ другого. Это есть, ипостасность, какъ актъ, какъ самопалаганіе для черезъ самоотданіе, самоугашеніе. Поэтому здѣсь нѣтъ раздѣльнаго рядоположенія, а вмѣстѣ и внѣположенія *я*, *ты*, *онъ*, *мы*, *вы*, хотя и свидѣтельствующаго о соборности, но также и ее разрушающаго, здѣсь есть для каждой ипостаси *тріединство*: *я*, *ты*, *онъ*, съ одновременнымъ *мы* и *вы*, предвѣчно актуализирующая соборность, самополагающийся абсолютный субъектъ. Но каково же имя этому самополаганію, существо этой актуализирующей соборности? Объ этомъ отвѣтствуетъ Слово Божіе: «Богъ есть Духъ». «Богъ есть Любовь». Какъ Духъ, Богъ есть Сушій, *Я*, ипостасный субъектъ, Абсолютное, т. е. триипостасное *Я* есть Любовь, не какъ «свойство», но малое существо, жизнь. соборность. Лицо Божіе есть Любовь *in actu et in hypostasi*.

Не только изъ первообраза постигается и образъ , но изъ природы Абсолютнаго Субъекта объясняется природа тварнаго и относительнаго. Слово Божіе свидѣтельствуешь намъ, что человѣкъ, созданный по образу Божію и принявшій отъ Него образъ ипостасности, былъ сотворенъ уже какъ двоца Адама и Евы, которая при томъ при самомъ сотвореніи своимъ силой благословенія Божія имѣла въ себѣ и дальнѣйшее множество. Иными словами, человѣкъ созданъ Богомъ, какъ многоединство, которое существенно сводится въ отношеніи ипостасности къ *тріединству*. Полнота образа Божія раскрывается и осуществляется не въ отдѣльномъ индивидѣ, но въ человѣческомъ родѣ, множествѣ, для котораго существуетъ не только *я*, но и *ты*, и *онъ*, и *мы*, и *вы*, которое соборно какъ родъ и призвано къ любви. Троичность ипостаси въ Богѣ отобразилась въ твореніи какъ множественность раздѣльныхъ, но взаим-

ноприуроченныхъ и связанныхъ между собою личнымъ мѣстоименіемъ субъектовъ. Только Богу свойственна тріпостасность, невмѣстимая въ человѣческое естество, какъ полная данность, однако она содержитсяъ въ полнотѣ образа Божія, какъ *заданность*, какъ конечная цѣль богоуподобленія. Путь этого богоуподобленія есть *любовь*. Божественная любовь, предвѣчный образъ жертвеннаго самоотверженія, какъ силы Любви, совершенно преодолеваетъ границы *я*, дѣлаетъ другое *я* своимъ *я*, самоотожествляется съ нимъ. Но путь самоотожествленія съ другимъ *я* и есть путь любви и сила любви въ человѣческой жизни. И всякій опытъ любви есть эта жизнь въ другомъ и другимъ, перенесеніе своего *я* въ нѣкое *ты*, самоотожествленіе съ нимъ по образу любви тріпостасной. Но эта соборность любви есть Церковь, человѣскій родъ въ своемъ оцерковленіи, богоуподобленіи, обоженіи, которое и есть цѣль и задача человѣческой жизни. И объ этомъ молится Господь въ Своей первосвященнической молитвѣ, въ которой Онъ опредѣляетъ послѣднюю цѣль творенія. «Да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да тиі въ насъ едино будутъ». (Іо. 17 : 21). «Да будутъ совершены во едино» (23) «да любы, ею же Мя еси возлюбилъ, въ нихъ будетъ, и Азъ въ нихъ» (26).

Послѣ этого отступленія въ песчанья и безводныя, зыбкія топи спекуляціи возвратимся снова въ кроткій и сладостный вертоградъ духовный богумудраго и богоноснаго Сергія, чтобы въ его жизни и подвигѣ узрѣть печать святаго Живоначальныя Троицы, коей Именемъ онъ себя самъ и запечатлѣлъ.

Господь воздвигъ избранника своего въ тяжелое время не только внѣшняго порабоженія нашей родины, но и внутренняго упадка, глубокаго унынія и духовнаго распада. Люди потеряли вѣру въ добро и угрюмо отъединялись въ своемъ горѣ, въ своемъ озлобленіи: человѣкъ въ волкѣ! О, какъ мы знаемъ это теперь и какъ изболѣли души и нынѣ отъ мрака, и разлада и отъединенія. И однако никогда не умираетъ до конца безсмертная человѣческая душа, она только ждетъ своего пробужденія, своего воскресенія. И нынѣ во дни великой печали и унынія ждетъ народная душа знаменія небснаго, и сверкнетъ оно на небѣ духовномъ, она воспрянетъ и устремится къ нему въ самозабвенномъ порывѣ, и забудетъ всю свою тугу и воскреснетъ, и просіяетъ радостью великою, — сіе буди и буди! Подъяремной Руси Богъ далъ это знаменіе — чуднаго Сергія, сокрывъ его въ лѣсахъ глубокихъ и дремучихъ, чтобы свѣтильникъ его возсіялъ изъ-подъ спуда. Въ безвременье вышелъ преподобный плотникъ на трудъ строителя Града Божія, въ которомъ каменіе — суть человѣческія сердца, на собираніе душъ, на братотвореніе, на воцерковленіе, да будутъ вси едино, по образу Божію, по образу Пресвятой Троицы. Преп. Сергій является для сѣверной Руси возродителемъ монашества, на началахъ строгой, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и наиболѣе братотворящей дисциплинѣ монастыря общежитнаго, гдѣ нѣтъ ничего разнящаго, гдѣ всѣ какъ одинъ, одна воля, одна любовь и одна жизнь. Нелегко было подъять такую задачу и разрѣшить ее въ борьбѣ съ человѣческой не-

мощью, но она была побѣждена. Преп. Сергій , отшельникъ, ушедшій отъ міра въ дремучій боръ, сталъ духовнымъ собирателемъ Руси, и ея духовнымъ вождемъ. Но ранѣе онъ сталъ имъ въ своей убогой обители, куда потянулись къ нему сердца, и отъ нея, какъ отъ корня, пошли молодые побѣги, стали возникать и шириться монастыри, въ которыхъ зажигались новые свѣточы, и такъ, какъ отъ священнической свѣчи зажигаются свѣчи молящихся , и весь храмъ исполняется свѣта, такъ отъ свѣщи преп. Сергія исполнилась свѣточей русская земля, и вся эпоха исторіи, которая слѣдуетъ за вѣкомъ преп. Сергія, есть Сергіевская эпоха въ исторіи русскаго духа и творчества. Но царствіе Божіе, объемлющее весь міръ, есть и внутри насъ и нужно было строителю и зодчему въ себѣ самомъ, въ душѣ своей великими трудами и подвигами дать ему торжество, построить храмъ пресв. Троицы. Каковы же были тайны дивнаго успѣха дѣла преп. Сергія, его побѣды? Чѣмъ привлекалъ и покорялъ онъ души людей, отъ которыхъ онъ уходилъ въ пустыню, куда они къ нему , однако, собирались? Въ чемъ сила этой *соборности*? Въ томъ, что сама эта соборность, образъ во св. Троицѣ сущаго Бога, яркимъ свѣтомъ горѣла въ его сердцѣ. Онъ самъ совершилъ подвигъ соборности въ сокровенности сердца своего, побѣдивъ себялюбіе, жертвенно отвергшись себя въ любви къ другому, живя уже не въ себѣ и не для себя, но въ другомъ и для другого, являя на себѣ правду слова апостольскаго: живунекътому азъ, но живеть во мнѣ Христось. Жизнеописатель преп. Сергія съ удивленіемъ указываетъ смиреніе и кротость, какъ самыя основныя черты его духа. Онъ хотѣлъ и умѣлъ оставаться въ тѣни, будучи для всѣхъ свѣточемъ, занимать второе мѣсто, имѣя въ дѣйствительности во всемъ первое: *Сергій смиренномудрый* — таково къ нему обращеніе. О немъ такъ повѣствуется въ житіи Епифанія, не безъ риторики, но съ глубокимъ чувствомъ удивленія и умиленія: «Преподобный игумень отецъ нашъ Сергіе святой, старецъ чудный, добродѣтелями всякими украшень, тихій, кроткій нравъ имѣя и смиренный и добронравный , привѣтливый и благоувѣтливый, утѣшительный, сладкогласный и благоподатливый, милостивый и добросердый, смиренномудрый и цѣломудренный, благоговѣйный и нищелюбивый, страннолюбвый и миролюбный....; стяжа паче всѣхъ смиреніе безмѣрное и любовь нелицемѣрную равно ко всѣмъ человѣкамъ, и всѣхъ вкупѣ равно любляше и равно чтяше, не избирая, не судя, ни зря на лица человѣковъ и ни на кого же возносяся, ни осужая, ни клеветца, ни гнѣвомъ, ни яростію, ни жестостію, ни лютостію, ниже злобы держа на кого». Въ этихъ словахъ данъ достаточный и убѣдительный отвѣтъ на тотъ вопросъ, что сдѣлало преп. Сергія читателемъ пресв. Троицы и въ чемъ въ ликѣ его отпечатлѣлся Ея образъ и въ сердцѣ его сотворилась, по неложному обѣтованію Господа, Ея обитель? Духовный опытъ самоотвергающейся любви и какъ плодъ ея смиреніе и смиренномудріе т. е. особая высшая мудрость смиренія. Любовь есть смиреніе, она рождаетъ смиреніе и утверждается въ немъ. Богъ-Любовь есть Богъ-Смиреніе, открывающійся въ Сынѣ, который самъ свидѣтельствуесть

о себѣ: яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ. Ибо любовь есть себя отверженіе, себя невидѣніе себятданіе, себяодолѣніе, отъ себя освобожденіе. Любовь есть жизнь не собой, а другимъ, она есть освобожденіе отъ своего себялюбиваго я, застоящаго умное солнце. И образъ тріѣподстасной самоотвергающейся Любви, въ которой каждое вѣподстасное Я существуетъ въ другомъ Я, одно Я лишь какъ другое, есть предвѣчное смиреніе. И тотъ, кто причастится къ любви-смиренію, въ мѣру того ему открывается таинство тріединства Божія. И Сергій отъ юности своей стяжалъ это смиреніе, сталъ — помимо всѣхъ другихъ добродѣтелей, которыя можно стяжать на пути духовномъ — только смиренномудрымъ, но черезъ это онъ сдѣлался и богомудрымъ. И не приближаемся ли мы здѣсь къ постиженію того, о чемъ уже свидѣтельствовалъ богомудрый Сергій, созидавая храмъ Пресв. Троицы, и ранѣе его устройвъ въ сердцѣ своемъ? Подвигомъ любви онъ позналъ Бога-Любовь и содѣлался самъ обителю Пресв. Троицы.

Постиженіе Бога-Любви ведетъ за собой и постиженіе любви Бога. Любовь Божія, осуществляемая Тріединствомъ, изливается изъ него и за предѣлы Трехъ. Въ ненасытности Любви, каковая есть ея природа, Богъ вызываетъ изъ небытія по образу Своему созданныя тварныя я, чтобы ихъ сдѣлать причастными любви, приобщить ихъ къ божественной жизни, въ нихъ Онъ ищетъ друга, съ которымъ можно пребывать въ любви. Вседовольный и всеблаженный Богъ самоуничижается въ смиреніи и любви Своей и ставитъ рядомъ съ собой Свое твореніе. Сотвореніе міра и человѣка есть актъ богоснисхожденія, любви смиряющейся. Но сотвореніе тварныхъ вѣподстасей въ предвѣчномъ замыслѣ Божіемъ опредѣляется ихъ грядущимъ обоженіемъ, которое создается черезъ боговоплощеніе. И любовь Божія къ творенію, являемая въ боговоплощеніи, не останавливается и предъ искупительной жертвой, приносимой за грѣхъ міра. «Такъ возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть» (Іо. 3 :16). Богъ, сотворившій міръ словомъ Своимъ, снова сотворяетъ его — Голгозой, крестомъ. «На землю сошелъ еси, Спасе, да спасеніи Адама, но и на земли не обрѣтъ сего, даже и до ада снизшелъ еси ищай». Боговоплощеніе становится міровой евхаристіей, жертва Голгофская есть любовь Божія къ міру, жертвенная, смиряющаяся, самоотвергающаяся, примиряющая и возсоединяющая, на эту жертву и силой этой жертвы нисходитъ Духъ Св. въ міръ, его освящающій и обожающій. Поэтому божественная литургія есть «всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ» совершающееся торжество жертвенной, взыскающей и спасающей любви, божественная трапеза Царствія Божія. Мы знаемъ это богословскимъ разумомъ, ибо около этого вопроса человѣческая мысль, можно сказать, истоптала всѣ пути и дорожки, мы узнаемъ это смущенно трепетнымъ сердцемъ, приближаясь къ св. престолу или приступая къ св. чашѣ, но бѣдно и скудно это наше знаніе, въ полнотѣ своей оно можетъ затопить нашу душу и растопить наше сердце, всю жизнь міра просвѣтить въ божественную литургію. И чѣмъ больше подвигъ несенія креста вслѣдъ за Господомъ, чѣмъ

пламеннѣе духъ, тѣмъ онъ евхаристичнѣе, тѣмъ больше потрясаетъ его божественная литургія. И здѣсь наша мысль съ трепетомъ обращается къ преподобному Сергію, къ его молитвенному вѣдѣнію, и созерцаетъ слѣды этого страшнаго вѣдѣнія. Ихъ два, — этихъ слѣда, но они неизгладимы, они навѣки запечатлѣны въ исторіи Церкви, въ богословствованіи, въ ученіи о божественной евхаристіи. Жизнеописатель преп. Сергія передаетъ намъ, что однажды преподобный совершалъ божественную Литургію съ братомъ Стефаномъ и племянникомъ Θεодоромъ. Стоявшій въ храмѣ Исаакій молчальникъ, одинъ изъ совершеннѣйшихъ и строжайшихъ учениковъ его, смотреть и зрить не трехъ, а четырехъ служащихъ, и четвертый былъ мужъ весьма чудный, свѣтлый видомъ и въ ризахъ блестящихся. И послѣ службы вопрошенный ими преп. Сергій повѣдалъ имъ, что то былъ ангелъ Божій, всегда съ нимъ сослужащій, но онъ заключилъ эту тайну въ молчаніе до своей смерти. «Нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ», но здѣсь они стали, по смотрѣнію Божію, видимы. И еще трепетнѣе второе видѣніе, котораго удостоился другой, не менѣе строгій ученикъ преподобнаго Симонъ: во время совершенія божественной литургіи онъ видѣлъ огонь, ходящій надъ жертвенникомъ, осѣняющій алтарь и святую трапезу, а затѣмъ онъ, свившись, вошелъ въ алтарь, и преподобный огня причастился. Но преподобный заключилъ въ молчаніе до самой смерти, что Симонъ видѣлъ благодать Св. Духа, дѣйствующаго съ нимъ. Вѣдѣніе пресв. Троицы въ боговоплощеніи, въ мірообоженіи, закланіе Сына и нисхождение Св. Духа, посылаемыхъ Отцомъ, — что прибавить къ этому вѣдѣнію? Здѣсь вся теологія, вся христологія и пневматологія, Богъ въ себѣ и Богъ въ твореніи, во св. Троицѣ сущій являетъ Себя чителю Пресвятыя Троицы.

Новое твореніе міра и человѣка, совершающееся въ боговоплощеніи, имѣетъ свое исполненіе въ богопріемлющей, прославленной, обоженой твари.. Премудрость Божія, предвѣчно сущая во Св. Троицѣ, обращенная къ міру, есть Премудрость въ твари, какъ божественная основа, а вмѣстѣ и цѣль міра, говоря Аристотелевски, его энтелехія. Софія Божественная есть предвѣчное основаніе Софіи въ твари въ обоженіи тварь пріобщается жизни божественной, соединяется небо и земля. Боговоплощеніе есть схождение Божественнаго Логоса въ лоно Богоматерное: Богъ воплощающійся есть Христось, тварь богопріемлющая есть Богоматерь. Премудрость Божія воплощенная есть Сынъ Божій. Премудрость тварная есть Богоматерь, Слава міра. Единая природа, единая божественная жизнь Пресв. Троицы, имѣетъ образъ Свой въ единомъ мірѣ, который приходитъ къ Богу, сбожается и соединяется съ міромъ въ Богоматери и чрезъ Богоматерь. Вѣдѣніе о мірѣ есть по сему благодатное вѣдѣніе о Богоматери, а истинная любовь къ міру есть почитаніе Богоматери. Подвижникъ, уходящій отъ міра ради любви къ Богу и любви къ міру въ Богъ, не есть сумрачный міроненавистникъ, самоубійца, онъ есть читель міра въ истинѣ его, въ славѣ его, ибо онъ есть читель Богоматери. Въ преп. Сергіѣ мы

знаемъ , непосредственно чувствуемъ эту любовь къ божественному космосу, который свѣтитса даже чрезъ этотъ грѣховный ликъ міра: и этотъ лѣсъ, въ которомъ жилъ онъ среди природы , и этотъ медвѣдь у чащи лѣсной, котораго имѣлъ онъ своимъ другомъ, и эти пернатые жители лѣса, которые недаромъ явились ему въ видѣніи птицъ, — все это говоритъ о какомъ то благодатномъ его сліяніи съ природой, въ домомъ чистому сердцу. Но за этимъ природнымъ , еще ожидающимъ своего преображенія міромъ, вѣдалъ преподобный и уже совершившюся его славу, уже вполне облагодатствованное и обоженное твореніе, богородящую и богопріемлющую землю. Вѣдѣніе Софіи пребожественной было для него и вѣдѣніемъ Софіи въ твореніи *) Здѣсь мы приближаемся снова къ тайнѣ богомудрія преп. Сергія. Онъ былъ не только чителемъ , но и *избранникомъ* Божіей Матери., которая сама его такъ нарекла въ дивномъ явленіи Своемъ преподобному. То было въ старости его, за нѣсколько лѣтъ до его кончины. Пречистая явилась ему въ великомъ сіяніи въ сопровожденіи св. апостоловъ Петра и Іоанна (въ этомъ же сопровожденіи Она дважды являлась и дивному старцу земли русской преп. Серафиму). Это случилось въ присутствіи преп. Михея, ученика преп Сергія; самъ онъ повѣдалъ объ этомъ явленіи только двумъ, уже извѣстнымъ намъ тайновидцамъ, Исаакію молчаливому и Симону. Явленіе Богоматери есть неизреченная Ея милость къ человѣку, но оно уже предполагаетъ способность его вмѣстить,наличность извѣстной приуготовленности, есть какъ бы сверхъестественный отвѣтъ на человѣческое вопрошаніе. И само явленіе свидѣтельствуеетъ достаточно, что и въ душѣ преподобнаго Сергія зрѣло вѣдѣніе Богоматери, почитаніе славы Ея. Онъ былъ таинникомъ Богоматери и ранѣе этого явленія, можно думать, что вся его жизнь была приуготовленіемъ къ этому видѣнію, исполнившему его полнымъ и окончательнымъ вѣдѣніемъ. Пречистая явилась въ свѣтѣ и сіяніи какъ прославленная Дѣва (преп. Серафиму она являлась и въ царской порфирѣ, какъ Царица небесная, въ сопровожденіи двухъ первоапостоловъ: Петра-первоверховника и Іоанна , возлюбленнаго ученика Христова. Въ этомъ соединеніи намѣчается новая сторона вѣдѣнія о Богоматери, не только какъ о славѣ міра, но и о возглавленіи Церкви Христовой. Два первоапостола Петръ и Іоаннъ выражаютъ собой полноту власти апостольства: первенство Петра, какъ старѣйшины апостольскаго лика, восполняется и превозмогается первенствомъ любви — возлюбленнаго ученика Господня, тайновидца и богослова по божественному усыновленію сына Матери Божіей. И съ ними Она сама какъ личное воплощеніе, сердце Церкви, тварное ея возглавленіе. Въ этомъ видѣніи сосредоточена поэтому вся полнота Церкви, какъ человѣческаго общества, возглавляемаго Матерію Божіей въ сослуженіи двухъ первоапостоловъ. Видѣніе Божіей Матери преп. Сергію есть поэто-

*) Библейское и святоотеческое ученіе о премудрости Божіей будетъ изложено мною въ особомъ этюдѣ. (гот, къ печ.)

му видѣніе Церкви, явленный ему догматъ ея. Въ то время, когда на западѣ уже выковывались оковы для церкви въ видѣ ученія о папскомъ главенствѣ, эклезиопатизмъ, невѣдомое міру видѣніе преп. Сергію раскрыло православію основы догмата о Церкви, истинное о ней ученіе. И читатель пресв. Троицы силою этого служенія сдѣлался и таинникомъ видѣнія о Церкви, подобно древнему *Ерму* въ *Пастырѣ*.

Вѣдѣніе Богоматери, данное преп. Сергію, договаривается молчаливо уже послѣ смерти его. Въ основанной имъ Троице-Сергіевской лаврѣ есть два главныхъ храма, посему и именуемыхъ соборами: одинъ — Троицкій, имъ самимъ основанный а другой — Успенія Божіей Матери. Этотъ соборъ былъ построенъ, повидимому, въ послѣдніе годы Грознаго*) по подобію Московскаго Успенскаго собора, и въ немъ стоялъ до 1781 г. гробъ преп. Сергія въ такомъ же соответственномъ мѣстѣ, какъ и мощи его въ Троицкомъ соборѣ. Мы не можемъ отказать отъ мысли, что созданіе Успенскаго собора совершилось не безъ воли преп. Сергія и въ духѣ его, и этимъ намѣчается еще новый, нарочитый аспектъ почитанія Богоматери. Праздники богородичные имѣютъ двоякую обращенность, какъ и самый догматъ о Богоматери: христологическую, — и тогда она ублажается и догматствуется преимущественно какъ Матерь Христа, лоно боговоплощенія, таковы всѣ богородичные праздники, включая сюда и Рождество Христово (таковъ же и антинесторіанскій богородичный догматъ III всел. собора, въ сущности христологическій). — и чисто богоматернюю (на языкѣ катол. богословія можно выразиться : маріологическую), каковая хотя наличествуетъ во всѣхъ богоматернихъ праздникахъ, но въ исключительной степени въ Успеніи Ея, онъ есть празднованіе именно самой Богоматери. Праздники Успенія, эта богородичная Пасха, только отправнымъ пунктомъ имѣютъ событіе земной кончины Богоматери, но его существенное содержаніе въ томъ, что послѣдовало въ всязи съ Успеніемъ и послѣ него, т. е. воскресеніе и вознесеніе Богоматери и небесное Ея прославленіе. Праздникъ Успенія имѣетъ поэтому не христологическій, но космологическій характеръ. Здѣсь ублажается Богоматерь, какъ совершенное обоженное твореніе, какъ слава міра, оправдившаяся премудрость въ чадахъ ея (Мф. 11, 19), какъ царица неба и земли, какъ Премудрость Божія, явленная въ твореніи, Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ общеизвѣстнымъ историческимъ фактомъ, что въ сѣверной Руси храмы Успенія посвящались нерѣдко и Софіи, Премудрости Божіей, и храмовой праздникъ соединялся съ Успеніемъ, такъ что это нашло и свое литургическое выраженіе въ общемъ сводномъ послѣдованіи службы праздника Успенія и Софіи, Премудрости Божіей. «Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, быть можетъ, заключается причина того, почему у насъ въ Россіи появилось много Успенскихъ соборовъ: въ Ростовѣ, Звенигородѣ, Владимірѣ, Москвѣ, Ярославлѣ, Рязани, Костромѣ, Астрахани, Вологдѣ, Рыбинскѣ, Тобольскѣ, Вильнѣ.»**) Софійный ха-

*) Проф. Е. Голубинскій. Путеводитель по Лаврѣ, 182-3.

**) А. Никольскій. Софія Премудрость Божія (отд. отт. XVII, стр. 34)

рактёр присущъ въ извѣстной степени и Московскому Успенскому собору, этому кафедралу всей земли русской, по крайней мѣрѣ на наружной алтарной стѣнѣ его помѣщено изображеніе Софіи въ новгородскомъ изводѣ, сѣдящей на престолѣ огненный ангель, по сторонамъ котораго стоятъ Божія Матерь и Предтеча, оба крылатые. Но этотъ именно храмъ послужилъ образцомъ для Троицкаго Успенскаго собора и притомъ въ эпоху строительства Софійныхъ храмовъ. Поэтому есть достаточное основаніе видѣть и въ этомъ храмѣ въ извѣстномъ смыслѣ софійный. Но даже и безъ этого предположенія, подлинное и никѣмъ не оспариваемое посвященіе именно Успенію Божіей Матери говоритъ въ сущности о томъ же. Здѣсь свидѣтельствуется почитаніе Богородицы, какъ прославленнаго творенія, которое есть совершенное исполненіе замысла Божія о мірѣ. Она, принадлежа землѣ и тварному міру, сидитъ въ небесахъ одесную Сына Своего. Въ Ней есть Богъ *всяческая во истѣхъ*, Она и на судъ не приходитъ, но присутствуетъ на немъ лишь какъ заступница и предстательница рода человѣческаго. Въ Ней просвѣтляется и освящается все твореніе: земля, изъ которой Она произошла, какъ новая Ева, въ подобіе древней Евѣ, созданной изъ ребра сотвореннаго изъ земли Адама, и родъ человѣческій, котораго Она есть свѣтозарная дочь, а вмѣстѣ всепѣтая матерь, все твореніе, ангельскій соборъ и человѣческій родъ, ибо никакое твореніе, ни даже ангельское, не носило Христа во чревѣ, не сѣдитъ на небесахъ одесную Сына, въ предстояніи св. Троицѣ. Она есть оправданіе и спасеніе міра въ тварномъ его ествѣ, Она есть Премудрость Божія въ твореніе міра излившаяся и въ мірѣ сущая, Она есть образъ Ея въ твореніи, единый съ первообразомъ. Посему Она есть любовь Божія къ творенію, ибо Ее Богъ любитъ въ Своемъ твореніи, и міръ есть Ея вмѣстилище, ради Нея онъ созданъ, ибо искупленный Христомъ и ставшій, какъ Церковь, тѣломъ Его, онъ является и тѣломъ Богоматери. И если міръ есть твореніе во Св. Троицѣ сущаго Бога, и на немъ лежитъ печать всей св. Троицы, Ея Премудрость, то на Богоматери почіетъ любовь св. Троицы, Она есть тварная Ея премудрость. Она есть Церковь, Матерь рода человѣческаго, ибо возглавляетъ Церковь Христову вкупѣ съ двумя первоапостолами и со всѣми апостолами. Она же есть Слава міра, уже совершившаяся и исполненная, Царица неба и земли. Вотъ о чемъ говорятъ намъ молчаливо видѣнія преп. Сергія и продолжающееся послѣ его кончины раскрытіе этого видѣнія.

Итакъ, — святая Живоначальная Троица, боговоплощеніе и искупленіе, Пречистая Дѣва, упованіе христіанъ, Ея предстояніе Церкви и пречестное Ея Успеніе и въ небеса восхожденіе — вотъ предметъ богозрѣнія преп. Сергія, вотъ плодъ его богомыслія, и вотъ его завѣты нашей немощи богословствованія. Такъ повелѣваетъ, такъ направляетъ нашу мысль благодатный глава нашей школы, сладостный и строгій Игумень нашей обители. Однако — скажутъ намъ — развѣ не суть все это предметы, которые сами собой разумѣются для всякаго богословствованія, и что же въ

этомъ сергіевскаго? Но все-ли дослышали говорящіе такъ, все-ли соединилось въ нихъ въ полнотѣ созвучія? Есть отдѣльные звуки, и есть аккордъ, изъ нихъ составляющійся, но ими не исчерпывающійся въ самостоятельномъ своемъ бытіи. Есть звѣзды разной величины, блеска и цвѣта, и есть созвѣздіе, особое соединеніе звѣздъ. И если до сихъ поръ мы останавливали вниманіе только на отдѣльныхъ звѣздахъ Сергіева богомудрія, въ ихъ особенности, то не менѣе важно само ихъ созвѣздіе, какъ горитъ оно на сводѣ небесномъ и какъ мѣняется оно въ нашихъ глазахъ вмѣстѣ съ движеніемъ ночного свода. Св. Троица, боговоплощеніе, Премудрость Божія, -- Церковь, Богоматерь, міръ, — вотъ это созвѣздіе, вотъ эта проблематика, характерная не только содержаніемъ, но и соотношеніемъ проблемъ. Церковь едина и всегда обладаетъ полнотою истины, однако въ человѣческомъ разумѣніи она подлежитъ исторіи съ ея развитіемъ и чередованіемъ. Исторія Церкви знаетъ разныя догматическія эпохи, когда сознаніемъ овладѣваетъ то та, то другая сторона догмы. Такъ, напр., эпоха вселенскихъ соборовъ была преимущественно христологическая, догматъ о воплощеніи Слова стоялъ въ центрѣ вниманія, и ей дано было богодухновенно разрѣшить христологическую проблему. На смѣну ей пришла проблема пневматологическая, — начиная съ вѣка Фотія и до нашихъ дней въ той или иной формѣ она владѣетъ умами, а вмѣстѣ съ нею и проблема экклезиологическая, ученіе о Церкви: тринитарные вопросы въ связи съ ученіемъ о св. Духѣ и разное постиженіе Церкви — вотъ вопросы, которые и волнуютъ, и раздѣляютъ нынѣ христіанскій міръ. И отчасти въ связи съ этимъ снова, но по иному выступаютъ вопросы о почитаніи Богоматери и Ея мѣстѣ въ Церкви и въ спасеніи міра. А это въ свою очередь приводитъ, если не въ западномъ, то въ православномъ богомудріи къ вопросу о Премудрости Божіей, какъ откровеніи св. Троицы въ мірѣ, ибо что-же иное означаютъ и паламитскіе споры объ энергіяхъ Божіихъ, и новѣйшія сомнѣнія и вопрошанія о почитаніи Имени Божія,*) и о Премудрости Божіей, о которой предки наши богословствовали не словомъ, но дѣломъ, созидавая храмы, устанавливая службы, сродняясь сердцемъ съ непостижимымъ еще въ разумѣ. И для нашей догматической эпохи характерно именно своеобразное сочетаніе всѣхъ этихъ вопросовъ, ихъ пересѣченіе: тринитарные вопросы въ ихъ нераздѣльности съ космологіей и антропологіей, и, въ концѣ концовъ, съ приматомъ антропологіи.

Въ такомъ положеніи находится нынѣ богословская проблематика, данная намъ нашимъ православнымъ сознаніемъ, нашей догматической эпохой, нашей современностью, ибо и для богословскаго труда сохраняетъ свою силу Гетевское слово о томъ,

*) Не всѣмъ извѣстно, что на Московскомъ соборѣ 1917-18 г. былъ при миссіонерскомъ отдѣлѣ образованъ подъ предсѣдательствомъ арх. Теофана Полтавскаго подотдѣлъ относительно такъ, наз. «имя божничества», причѣмъ въ первомъ же (и, кажется, единственномъ) его засѣданіи было постановлено разсматривать догматическій вопросъ объ Имени Божіемъ по существу, причѣмъ были распределены и темы (и лично на мою долю досталось общефилософское введеніе по вопросу).

что кто жилъ для своего времени, жилъ для всѣхъ временъ. Однако—мнится—вѣдь это лишь наше человѣческое, можетъ быть, кабинетное, ограниченное, предвзятое, невѣрное воспріятіе. Но поднимаемъ голову и надъ нами въ небесахъ горитъ созвѣздіе преп. Сергія, въ немъ мы съ радостью зримъ эти же самые знаки, въ немъ находимъ и наши собственныя думы, по немъ опредѣляемъ направленіе и нашего корабля. Мы въ своемъ нынѣшнемъ богословскомъ самоопредѣленіи сознаемъ себя находящимися въ духовномъ вертоградѣ преп. Сергія, внемлемъ его завѣтамъ. Увидѣть это, какъ дано это намъ нынѣ, есть великая радость, и этой радостью да позволено будетъ мнѣ подѣлиться съ вами въ день нашего Сергіевскаго торжества. Еще не окончилась и не изжита Сергіевская эпоха церковной исторіи на Руси и за ея предѣлами. И се нынѣ исходитъ Радонежскій игумень въ новую пустынь на далекомъ западѣ и здѣсь вырубаетъ свою келію съ тѣмъ, чтобы снова стеклись къ нему на трудъ и умножали и продолжали его дѣло, его ученики. Преподобне отче Сергіе, моли Бога о насъ!

ПРОТ. С. БУЛГАКОВЪ.